

Хабутдинова Милеуша Мухаметзяновна

"ВЕСЕННИЕ КАРАВАНЫ" (1972) А. М. ГИЛЯЗОВА: ОТ ЗАМЫСЛА К ВОПЛОЩЕНИЮ

В статье анализируется идейно-художественное своеобразие повести А. М. Гилязова "Весенние караваны" (1972). В работе обобщен материал по истории создания и бытования текста. Раскрыта динамика в оценках критиков. В ходе анализа системы образов рассматриваются национально-специфические, или этнокультурные, концепты, раскрывающие ценностные приоритеты культуры и отражающие национальный характер. Выявлена роль хронотопов, имен собственных, символов-знаков как способов выражения авторской позиции в художественном тексте.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2014/2-1/48.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 2 (32): в 2-х ч. Ч. I. С. 182-186. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2014/2-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

Параллельные конструкции *Force-quit the program, Turn the phone off and on, Force-restart the phone, Reset the phone's settings, Erase the whole phone, Restore the phone* являются **ремами** высказываний, а *One of these six resetting techniques* **темой**.

Проведенное исследование позволило сделать следующие выводы:

1. установление связности в тексте *Missing Manual* происходит через продвижение информации от известной к неизвестной;
2. типы моделей тематических последовательностей будут зависеть от жанра анализируемого текста;
3. прагматическая направленность каждого коммуникативного блока *Missing Manual* влияет на способ организации тематических прогрессий. Для выражения предписывающей информации характерна последовательность со сквозной гипертемой в заголовке. Для отражения содержательно-фактуальной информации в сочетании с предписывающей информацией характерна последовательность с расщепленной темой и последовательность со сквозной темой;
4. в проанализированных последовательностях используются различные связующие средства: лексические (гипонимы), лексико-грамматические (дискурсивные элементы) и синтаксические (параллельные синтаксические конструкции).

Список литературы

1. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: Наука, 1981. 139 с.
2. Олешков М. Ю. Моделирование коммуникативного процесса. Н. Тагил, 2006. 342 с.
3. Ульянова У. А. *Missing Manual* как разновидность инструкции по эксплуатации: к определению понятия // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 3 (21). Ч. 1. С. 178-181.
4. Чубарова Ю. Е. Функционально-структурные особенности и просодические средства выражения дискурсивных элементов в англоязычном учебно-научном дискурсе: дисс. ... канд. филол. наук. Саранск, 2008. 17 с.
5. Bloor T., Bloor M. *The Functional Analysis of English*. London: Arnold, 2004. 332 p.
6. Halliday M. A. K. *An Introduction to Functional Grammar*. Third Edition. London: Arnold, 2004. 689 p.
7. Pogue D. *iPhone: the Missing Manual*. Third Edition. Canada: O'Reilly Media, 2009. 418 p.
8. Pogue D. *Windows7: the Missing Manual*. Canada: O'Reilly Media, 2010. 855 p.

THEME-RHEMATIC CONNECTIVITY OF PROFESSIONALLY ORIENTED TEXT (BY EXAMPLE OF MISSING MANUAL)

Ul'yanova Ul'yana Aleksandrovna
National Research Tomsk Polytechnic University
uua_07@mail.ru

The article is devoted to the consideration of the category of engineering discourse connectivity by the material of new genre variety of service instruction *Missing Manual*. The author distinguishes and analyzes the connecting means typical of *Missing Manual*, ascertains the dependence of theme-rhematic sequences models on the type of presented information, and conducts the analysis of these models.

Key words and phrases: service instruction; local and global connectivity; theme-rhematic sequence.

УДК 82(=512.145)

Филологические науки

В статье анализируется идейно-художественное своеобразие повести А. М. Гилязова «Весенние караваны» (1972). В работе обобщен материал по истории создания и бытования текста. Раскрыта динамика в оценках критиков. В ходе анализа системы образов рассматриваются национально-специфические, или этнокультурные, концепты, раскрывающие ценностные приоритеты культуры и отражающие национальный характер. Выявлена роль хронотопов, имен собственных, символов-знаков как способов выражения авторской позиции в художественном тексте.

Ключевые слова и фразы: татарская литература; А. М. Гилязов; критический реализм; образ подростка; татарский национальный характер; национальные традиции; автобиографизм.

Хабутдинова Милеуша Мухаметзяновна, к. филол. н., доцент
Казанский федеральный университет
mileuscha@mail.ru

«ВЕСЕННИЕ КАРАВАНЫ» (1972) А. М. ГИЛЯЗОВА: ОТ ЗАМЫСЛА К ВОПЛОЩЕНИЮ[©]

«Весенние караваны» (1972) А. М. Гилязова по своей пронзительной силе не уступают «Трем аршинам земли», принесшим автору всесоюзную славу [6, с. 65-104]. Произведение впервые было опубликовано

на страницах журнала «Казан утлары» («Огни Казани») в 1974 г. [9, с. 8-40]. На русском языке повесть увидела свет в журнале «Волга» в 1979 г. [1, с. 14-57]. В 1986 г. «Весенние караваны» были переведены на чувашский язык [5, с. 2-21]. В 1998 г. повесть вошла в сборник «Татарская литература сегодня» (на английском языке) [19, р. 56-61]. Произведение, неоднократно переиздававшееся на татарском и русском языках, пользуется неизменной популярностью у читателей.

В статье «О себе самом» А. Гилязов указывает на автобиографичность «Весенних караванов». Написав это произведение, он «вернул долг своим землякам, светлым личностям, жителям Верхнего Багряжа, Заинского района». А. Гилязов указывает: оно посвящается «моим душевно щедрым односельчанам, хотя я и не стремился к верности имен, не добивался точности в передаче географических, биографических подробностей» [8, с. 1].

Герои «Весенних караванов» взяты, как признается автор, из жизни: «...это люди, жившие бок о бок со мной. Да, вместе с ними я преодолел длинные дороги, был среди них и в темные ночи, и в росистые рассветы. Это настоящие люди. Я произношу эти слова с ностальгией и гордостью одновременно. Багряжские мальчишки Иван-петух, Долговязый Микулай, Боярин Ибан... Мы четверо... Рядом с нами багряжские вдовы, багряжские тетушки, багряжские сироты...» [7, с. 7].

Критика встретила произведение настороженно, с явным неодобрением, готовая вновь обвинить автора в «очернении» действительности, в пессимизме [13, с. 3; 18, с. 178]. На «беспощадно, с обнаженным мужеством и откровением нарисованные сцены Аяза Гилязова» татарский поэт Сибгат Хаким в 1978 г. откликнулся пронзительным по своей силе стихотворением «Весенние караваны»:

Как узелки одной веревки длинной,
навстречу женщины усталые бредут,
и тяжко сгорбленные спины –
за валом вал – качает, как в бреду.
Весенний караван в пустынном поле,
поклон тебе и тихое: прости...
Ломоть земли посыпан горькой солью
из женской нескудеющей горсти...
(пер. Р. Кутуя) [4, с. 6].

Писатель оказался прозорливее своих критиков. «В колхозной деревне, как показывает А. Гилязов, действовала полуфеодалная, полурабовладельческая система принуждения, внеэкономической трудовой дисциплины. Гилязов говорит о том, что долгое правление коммунистов довело деревню до крайней степени нищеты, хотя все средства массовой информации наперебой утверждали обратное», – позднее указал в своей рецензии Р. Мустафин [14, с. 63].

Тринадцатилетним подростком встретил А. М. Гилязов Великую Отечественную войну. Книжки о детстве – особые. Они написаны от первого лица и основаны на собственных впечатлениях писателя. Повесть вобрала в себя раздумья автора о судьбе военной и послевоенной деревни. «Весенние караваны» доносят «до читателя правду и слезы первого чувства, благотворное причастие к судьбе народной, в которой все повязаны одной веревочкой весенних караванов» (Р. Кутуй) [4, с. 6].

Как верно подметила Л. Лебединская, «убедительность созданных А. Гилязовым характеров в том, что он с присущим ему тактом и мастерством сумел показать, что ребятам этим отнюдь не чужды были все чувства, присущие их возрасту, – они дружили, влюблялись, ревновали, мечтали о будущем, умели радоваться самой малой малости, и эта-то полнота духовной жизни и помогала им справляться с испытаниями, выпавшими на их долю.

Так взрослело и мужало поколение, к которому принадлежал А. Гилязов, по всей стране, и потому созданные писателем образы мальчишек и девочек, которых мы теперь называем детьми войны, при всей их национальной колоритности, принадлежат уже не только татарской литературе» [11, с. 6].

В «Весенних караванах», считает литературовед Р. Х. Сверигин, сильно лирическое начало, связанное с переживаниями главного героя. В повести проявляется такая сторона писательского дарования А. Гилязова, как умение дать поэтические и в то же время точные описания весенней природы, полные тончайшего психологизма [15, с. 150].

Хронотоп дороги, заданный в самом названии повести, играет значимую роль в организации сюжета произведения. При помощи данного хронотопа автор вводит в повествование новых персонажей, ставит их перед различными испытаниями и опасностями; дорога помогает проявить как положительные, так и отрицательные черты героев, проследить их духовное становление.

А. Гилязову в героях повести удалось рельефно выразить татарский национальный характер: гостеприимство, готовность всегда прийти на выручку, трудолюбие, терпение, чистоплотность. Писатель отталкивается от традиций Ш. Камала, Г. Ибрагимова [Там же, с. 151].

Удачно найден герой – подросток Ибрагим. Он иногда не по годам серьезен, деловит и положительен, но автор не лишает своего героя мальчишеских черт характера. Сочетание мальчишеского и зрелого в облике главного героя повести оказывается убедительным, передающим колорит времени. С большим мастерством показывает А. Гилязов сложность духовного мира Ибрагима, многообразие его переживаний. В повести переданы различные оттенки настроения героя, автор показывает, как переключается его внимание с одного предмета на другой, подчеркивает ассоциативность впечатлений, характерных для поэтической природы мальчика.

А. Гилязову достаточно нескольких скупых, но точных деталей при описании поездки на эlevator, в город Челны, чтобы перед читателями возник образ четырнадцатилетнего сельского парнишки. Он знает не легкую цену куска хлеба, умеет гордиться своей работой и в то же время остается ребенком, пребывающим в плену радужных мечтаний. На глазах у читателей он познает мир: опыт приносит и радости, и огорчения. Автор бережно следит за его взрослением, участием в жизни взрослых. Писатель учитывает малейшие изменения во взаимоотношениях своего героя с окружающим миром.

Символично, что уже в первом абзаце повести появляется образ студеного ветра, который дует со стороны кладбища. Вдумчивый читатель вскоре понимает, что ветер в повести – знак не только взбаламученного, взвихренного состояния природы и погоды, но и знак недолжного состояния жизни в целом [10, с. 87]. Автор, творчески переосмысливая блоковский мотив студеного ветра эпохи, фиксируя трагические последствия «ветра с красным флагом» (А. Блок «Двенадцать»), констатирует, что государственной «стихии» все же не удалось сбить людей с ног. Они с честью вынесли тяготы войны и послевоенного лихолетья.

Ибрагим – один из семи путников. Число семь неслучайно возникло у автора. Общеизвестно, что в исламе число семь, символизируя совершенство, указывает на устройство Вселенной (ср.: семь небес, семь земель, семь морей, семь ступеней, ведущих в ад, семь дверей, за которыми рай). Семь путников у А. Гилязова символизируют население послевоенной деревни: «Нас семь человек. Дети разных отцов. Есть среди нас и вдовы, взрослые девочки-сироты, парнишки есть вроде нас» [9, с. 28]. А. Гилязову судьбой было уготовано стать свидетелем народной трагедии военной деревни, где голодные, разутые дети, женщины и старики взвалили на себя всю мужскую работу в колхозе. Подростки Ибрагимы, Дамиры стали единственной опорой и утешением матерям, защитниками маленьким сестренкам и братишкам. Недоедая и недосыпая, вершили они свой ежедневный подвиг не во имя наград и поощрений – во имя жизни.

Автор скупыми мазками рисует судьбу первого поколения советских людей. Труженица Сабираттай прошла путь от плугаря до тракториста. Она заслужила уважение среди односельчан: «...были у нее славные времена, начинала с плугарей, посадив Нурлыгаяна на плуг, сама стала работать на тракторе. Из мальчишки Нурлыгаяна воспитала парня, вырастила мужа, из человека, ходившего ни шатко, ни валко, сделала ударника; вместе съездили на конференцию механизаторов в Москву, сфотографировались в одном ряду с Калининным» [Там же, с. 19]. Однако началась война, и сломалась ее жизнь. Хотела вместе с мужем отправиться на фронт, но не взяли: на медосмотре выяснилось, что у нее большое сердце. Муж сгорел в танке под Орлом, и она свалилась: четверо суток пролежала без сознания, и сейчас все держится за сердце. Несмотря на болезнь, Сабираттай наравне со всеми тянет трудовую лямку, теперь в руках у нее вожжи: в деревне уже давно исчезли трактора, а запах бензина стал сродни запаху дорогих духов и означал приезд в Верхнюю деревню высокого районного начальства.

А. Гилязов придает Сабираттай символический образ вожатого: «Вперед выходит Сабираттай, с взором, сверкающим как молния, не знающая сна, ее память исключительно хороша, она знает наизусть на Челнинской дороге каждую рытвину-яму, как вмятины в собственной печке» [Там же, с. 22]. Именно под ее руководством обоз с хлебом благополучно добрался через осенние хляби на Челнинский эlevator. Ибрагим на себе ощутил таинственную магию натуры этой женщины: «Не знаю уж, что больше: журчащий ли ее материнский голос, прикосновение ли ее шершавых рук, латаный ли перелатанный ватник, выцветшая ли в акkuratных заплатках юбка, глаза ли ее грустные или неожиданные такие, необычные слова, обращенные к нам, отрезвляют нас – и мы стыдливо смолкаем» [4, с. 432]. «Если бы не она, сколько ссор, путаницы, неразберихи возникло бы в наших поездках! Лошади и те, обессилев, покорно идут вперед, заслышав ее голос... Сколько преданий, сказок, историй знает! Голос ее обволакивает, успокаивает... Но особенно успокаивают ее глаза. Большие, печальные, они имеют над всем живым странную власть» [Там же, с. 436].

Навсегда запомнил Ибрагим и слова напутствия, произнесенные Сабираттай в 1945 г. во время выборов председателя колхоза: «Мы, Хакимзян, – сказала она тогда, – больше всего соскучились по ласковому слову. За войну измучились: то сами мы ругаем, то нас ругают! Твой род был щедрым на хорошее слово, да и в деле горазд, так что давай-ка бери вожжи колхоза в свои руки! А нам кнута не требуется, мы будем работать и от взмаха вожжей» [Там же, с. 458]. Смерть героини носит символический характер. А. Гилязов соотносит Сабираттай с образом колхозной лошади Длинногривой – скелет, кожа да кости. Смерть героини на совести циничного районного начальства, равнодушного к проблемам простых тружеников, зато прекрасно осведомленного о последних указаниях сверху и ориентирующегося в партийных догмах. В 1944, 1946 гг. жители Верхней деревни и окрестных деревень страдали от голода не столько и не только из-за обрушившейся на эти места засухи, а в результате субъективных просчетов администрирования. Так, сестра Адили погибла, отравившись перезимовавшим под снегом зерном. Осиротело четверо детей, которые остались на руках отца-инвалида. Абсурд советской колхозной жизни выявляется через образ «весенних караванов» – саней с сортовым зерном, в которые впряглись измученные женщины и подростки. Автор, в отличие от председателя колхоза, фронтовика Хакимзяна абзяя, не верит в то, что это последняя трудная весна в деревне. Жители Верхней деревни ретивое начальство из района погнало за семенами за тридевять земель (65 км), а потом оказалось, что в соседнем селе также имелись запасы отборного зерна. Вот почему образ студеного ветра у А. Гилязова перерастает в образ мартовского бурана: «Страшен, коварен мартовский буран: он делает медленными шаги человека, лишает его разума, туманит память; тяжелый снег покрывает весь мир, закрывает небо, заваливает каждого, кто случайно оказался в пути» [Там же, с. 471].

Ибрагим, уезжая на трехмесячные курсы трактористов, испытывает смешанные чувства: с одной стороны, гордость, что на него пал выбор председателя колхоза, с другой – щемящую грусть: «Сколько раз я шел, бежал по этой дороге! Мужчин провожал на войну, женщин с детьми – в Пермь и Ярославль за счастьем и сытостью...» [Там же, с. 451]. Город ассоциируется у подростка с сытой жизнью. Вместе с Дамиром они любят откормленными заводскими лошадьми. Ибрагим, привыкший в колхозе трудиться за «палочки», был несказанно удивлен, когда, отработав двухнедельную трудовую повинность на курсах, неожиданно получил в руки «живые деньги». Как курсант, он получал также паек, то есть имел свой кусок хлеба. Ибрагим с головой окунулся в учебу: трактор узнал до самой последней гайки. Ему захотелось освоить и другие машины. По душе пришелся Ибрагиму и токарный станок. Под влиянием идеологической пропаганды в силу возраста подросток уверовал в то, что вскоре вернется в родную деревню на тракторе. Однако суровая действительность превзошла все его ожидания: провожали курсантов на колхозной лошади, а вернулись они пешком. Первое, что бросилось в глаза Ибрагиму, – то, как похудела и осунулась его мать за время его отсутствия.

Любовь к Адиле не только неумолимо изменила его взгляд на вещи, но и заметно обострила восприятие. Шаг за шагом Ибрагим учится понимать и постигать непростые жизненные ситуации и сложные характеры окружающих его людей. И, пожалуй, самым важным на этом его пути познания было то, что он научился слушать и слышать собеседника, осознал, сколь сильно нуждается он в этом.

Образ патриархальной татарской семьи – один из центральных в повести. Ибрагим и Дамир горько переживают свое сиротство. Оказавшись в доме Габбаса абыя, они погружаются в благодать «дома, в котором есть мужчина», «дома, где есть отец». Сарвар апа готова со всеми разделить радость возвращения мужа с войны. Ибрагим понял, что женщина «готова горы перевернуть, лишь бы ее добро вернулось добром к ее мужу», которого война превратила в калеку [Там же, с. 483]. Сарвар апа, как и Сабираттай, верит в силу доброго слова. Однако А. Гилязов фиксирует появление в татарской среде «случайного семейства»: долговязый Фарит успел трижды жениться и развестись.

Адила занимает особое место в повести. Характеристика ее образа согрета особым теплом, ласковостью авторской интонации. А. Гилязов восхищается ее целомудрием, хозяйственностью, трудолюбием, воспитанностью, самоотверженной любовью к родной земле, людям. Хрупкая девушка-подросток взвалила на себя непосильную ношу: взяла на себя заботу об осиротевших племянниках и зяте-вдовце. Внутренний мир героини нашел свое воплощение в песне «Лэке көе» («Мотив Ляке»): «Золотом бы я текла... / Аля-ля-ляу! / Падала бы каплями серебра... / Аля-ля-ляу!» [Там же, с. 439]. В этих строчках нашли свое выражение смысл жизни и суть существования татарской женщины. На глазах у читателей детская дружба вырастает в нечто большее. Ибрагим собирается жениться на любимой Адиле, чтобы усыновить осиротевших детей Сабираттай. У татар четко обозначена роль семьи, а в семье – положение родителей, представителей старшего поколения, детей. Образ весенних караванов, на наш взгляд, несет в себе также идею вечного круговорота жизни, отсылает читателей к ключевому образу А. Гилязова «Млечный путь» («Киек каз юлы») [16, с. 105-106; 17, с. 189-190].

Именно в образах татарских женщин рельефнее всего воплощен в повести национальный характер. Доброта, гостеприимство, щедрость души Сарвар апы не может не восхищать читателей. Трудолюбие, терпение, решительность, мудрость, ласковая речь отличают Сабираттай. А Адиле, идущая им на смену, унаследовала их лучшие черты [12, с. 140].

Ибрагим невольно на весенней дороге вспоминает о том, как некогда торопил коня на Сабантуе: «Тогда мне казалось, долететь первым – это самое большое счастье» [4, с. 468]. Невольно снежная дорога в его сознании соотносится с дорогой Сабантуя: «Желтые же пучки – это желтые платки девушек, тубетейки – мужчин... стоящих вдоль дороги» [Там же]. Тема Сабантуя переплетается с темой инициации, мужания мальчишек в годы войны.

Образ вырвавшихся вперед подростков – Адиле и Ибрагима («скакунов Сабантуя») – превращается в символ поколения, прошедшего через невероятные испытания в годы Великой Отечественной войны и послевоенного лихолетия. Проселочные дороги, которые преодолевает «санный поезд», – не только реалистическая картина российского бездорожья, но и символ тяжелой жизни простых тружеников в СССР, чья жизнь превращается в ад благодаря абсурдным приказам сверху. Дорога выступает как смесь впечатлений. Люди, с редким упорствомдвигающиеся по снежной, раскисшей дороге к цели, нарушают однообразие снежной целины: их судьбы проносятся птицей над снежным покрывалом, накрывшим землю. На смену поколению Сабираттай и Хакимзяна пришло поколение Адиле и Ибрагима, которые верят в собственные силы, в то, что смогут преодолеть *снежную дорогу жизни*, держась за руки вместе, не взирая на трудности. Старый клетчатый платок Сабираттай навсегда останется в памяти подростков, превратившись в символ внутренней несокрушимой силы человека, способного преодолеть все трудности, выпавшие ему на долю, в символ самостояния человека, влюбленного в родную землю.

А. Гилязов в одном из своих интервью признался в том, что еще на заре своего творческого пути старался в обыкновенных людях пробудить чувство самоуважения: «Вы не винтики! Вы вынесли на своих плечах такое, что под силу только героям» [3, с. 3]. Писатель стремится пробудить в своих читателях «сознание единственности, драгоценной уникальности человеческой жизни, а значит, и ответственности за нее». Правда А. Гилязова, за плечами которого опыт сталинских лагерей, не вписывалась в «начертанные рамки», и книге заведомо была уготована нелегкая судьба.

Список литературы

1. Гилязов А. Весенние караваны: повесть / перевод с татарского Рашида Ахунова // Волга. 1979. № 6. С. 14-57.
2. Гилязов А. Любовь и ненависть: повести. М.: Современник, 1979. 448 с.
3. Гилязов А. Оглянуться, чтобы понять // Вечерняя Казань. 1987. 3 марта.
4. Гилязов А. При свете зарниц: повести. Казань: Тат. книжн. изд-во, 1986. 542 с.
5. Гилязов А. Растеклась бы золотом // Родная Волга. 1986. № 12. С. 2-21.
6. Гилязов А. Три аршина земли // Дружба народов. 1964. № 6. С. 65-104.
7. Гыйләжев А. Татарстан могжизасы: хатирәләр, очрашулар, уйланулар // Казан утлары. 1981. № 10. С. 4-35.
8. Гыйләжев А. Үзем турында үзем // Архив писателя. Рукопись. 1973.
9. Гыйләжев А. Язгы кәрваннар: повесть // Казан утлары. 1974. № 8. Б. 8-40.
10. Заһидуллина Д. Ф., Йосыпова Н. М. Аяз Гыйләжев (1928-2002) // Заһидуллина Д. Ф., Йосыпова Н. М. XX гасыр татар әдәбияты тарихы. Казан: Казан ун-ты, 2011. Т. 2. Б. 81-99.
11. Лебединская Л. Испытания жизнью // Литературная Россия. 1988. 11 июля.
12. Мөхәмәдиев Р. Күнелдәге эзләр // Казан утлары. 1980. № 10. Б. 133-142.
13. Мусин Ф. Киң гомумиләштерү юлына // Социалистик Татарстан. 1976. 1 февраля.
14. Мустафин Р. Заметки на полях четырехтомника Аяза Гилязова // Татарстан. 1996. № 1. С. 61-66.
15. Сверигин Р. Х. Замандашлар бәхетен кайгыртып // Казан утлары. 1986. № 7. Б. 148-153.
16. Хабутдинова М. М. Национальный миф в повести А. М. Гилязова «Три аршина земли» // Вестник Татарского государственного гуманитарно-педагогического университета. 2009. № 1 (16). С. 103-109.
17. Хабутдинова М. М. Национальный хронотоп в творчестве А. Гилязова // Вестник Татарского государственного гуманитарно-педагогического университета. 2010. № 2 (20). С. 188-196.
18. Хәснәи Ф. Без китмәскә килдек! // Казан утлары. 1973. № 2. Б. 172-179.
19. Ghiliazev A. Spring Caravans // Tatar Literature Today. Kazan: Magarif Publisher, 1998. P. 56-61.

“SPRING CARAVANS” (1972) BY A. M. GHILIAZEV: FROM IDEA TO IMPLEMENTATION

Khabutdinova Mileusha Mukhametzyanovna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Kazan Federal University
mileuscha@mail.ru

The article analyzes the ideological and literary originality of the story “Spring Caravans” (1972) by A. M. Ghiliazev. The paper summarizes the material on the history of text creation and existence. The dynamics in critics’ estimations is revealed. National specific, or ethno-cultural, concepts, revealing the value priorities of culture and reflecting the national character, are considered in the course of the images system analysis. The role of chronotopes, proper names, and symbols-signs as methods of expressing the author’s position in a literary text is revealed.

Key words and phrases: Tatar literature; A. M. Ghiliazev; critical realism; image of teenager; Tatar national character; national traditions; autobiography.

УДК 81

Филологические науки

В статье рассматриваются отличительные особенности звукоподражательных слов русского и узбекского языков. В сравнительном аспекте подробно излагаются грамматические свойства узбекских единиц данной категории, не свойственные русским звукоподражаниям. Автор статьи намеренно употребляет в данной работе термин «таклиды», а не «звукоподражания», как более точно передающий особенности узбекских слов-подражаний.

Ключевые слова и фразы: звукоподражательные слова; таклиды; междометия; промежуточные части речи; синтаксические функции.

Хамраева Ёркиной Набижановна, к. филол. н.
Каршинский государственный университет, Узбекистан
yorqinoyhamraeva67@mail.ru

**ОТЛИЧИТЕЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЗВУКОПОДРАЖАТЕЛЬНЫХ
СЛОВ В РУССКОМ И УЗБЕКСКОМ ЯЗЫКАХ[©]**

В узбекском языке выделяется особая группа слов, стоящих между знаменательными и служебными частями речи, называемых таклидами (*Taqlid* узб. – подражание). По семантическим и синтаксическим свойствам узбекские таклиды отличаются от самостоятельных и вспомогательных слов. В русском языке также существуют